

**Лесная сказка
для детей и взрослых**

Сергей Бичуцкий

Сергей Бичуцкий

**Лесная сказка для
детей и взрослых**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бичуцкий С. М.

Лесная сказка для детей и взрослых / С. М. Бичуцкий —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Книга "Лесная сказка" является переработанной версией сказки-притчи "Сны покаянные". Дети из небольшого северного городка отправляются в паломническую поездку в монастырь. Кто-то по своей воле, а кто-то по настоянию родителей. Трудно сразу принять монастырские порядки, но ещё труднее понять смысл Православной Веры, а в особенности значение исповеди. Как научиться самому определять что такое добро и что такое зло? Как избавляться от дурных привычек и склонностей? Дети по благословению отца настоятеля отправляются в лес собирать грибы и ягоды. Вечером пропадает одна из героинь по имени Катя. Все в испуге начинают молиться Николаю Чудотворцу, прося его оказать помощь в поисках. Великий Святой тут же откликается и вместе с пропавшей девочкой появляется у костра. Что происходит дальше, можно узнать, прочитав книгу до конца. Она будет полезна не только детям, но и взрослым!

© Бичуцкий С. М., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	25
Видение Василия	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1

В некотором царстве, в некотором государстве... Можно было бы начать нашу историю и такими словами, если бы это было правдой, но это не совсем так. А, если уж говорить начистоту, то это совсем не так. Дело в том, что история, которую я хочу вам далее поведать, произошла не где-там, в далекой стране и в неведомом месте, а в нашем родном городе Петрозаводске и на соседней улице. Вообще-то, рядом с нами происходит множество удивительных историй, которые мы почему-то просто не замечаем. То ли потому, что мы такие невнимательные; то ли потому, что уткнулись в этот злосчастный компьютер, спрятавшись от настоящей жизни, и она проходит мимо нас; то ли потому, что нам об этом никто не рассказывает. Причин много, но мы попробуем исправить эту ошибку, потому что настоящая жизнь гораздо интересней и поучительней всякого интернета.

Итак, жили-были на соседней улице две девочки-подружки. Одну из них звали Лиза, а вторую – Катя. Было подружкам по десять лет. Маленькие они были или уже самостоятельные девочки, судите сами. Кто-то обязательно скажет, что маленькие, но думающий читатель вряд ли согласится с этим, так как в любом возрасте человек сталкивается с какими-то вопросами, которые он должен решать сам, и от того, как он их решает, и зависит определение – маленький он или уже самостоятельный. Кто же из нас не знает, что в жизни частенько случается так, что некоторые люди до самых седых волос так и остаются детьми, а те, о которых говорят «от горшка два вершка», оказываются не по годам мудры? Поэтому давайте не будем заранее делать какие-то выводы, а выслушаем эту историю до самого конца, и только потом выскажем своё мнение. Или промолчим, и подумаем о самих себе.

Итак, жили-были две девочки-подружки, Лиза и Катя. Был май месяц, и они с нетерпением ждали окончания учебного года. Лизе не терпелось вновь отправиться в монастырь, где они с мамой, братьями и сёстрами обычно проводили все летние месяцы, а Катя мечтала поехать отдыхать с мамой и папой в Крым. Если только папе дадут отпуск. Папа Кати был военным лётчиком, поэтому не мог сам заранее решать, когда ему пойти в отпуск. Всё зависело от командования. Катя была абсолютно уверена, что всё случится так, как ей хочется, и уже строила в своём воображении прекрасные картины будущего отдыха. Её фантазии настолько разыгрались, что она рассказывала о своём будущем не только Лизе, но и многим своим одноклассникам, невольно пытаясь вызвать у них зависть к её будущему замечательно проведённому отдыху. Рисовала завораживающие пейзажи морского простора, ласкового солнца, прыгающих дружелюбных дельфинов, на которых, если повезёт, можно даже покататься и многое другое, что могла себе только вообразить, и что, по её мнению, могло удивить своих товарищей. И она добилась своего. Одноклассники с восторгом слушали эти фантазии. Не все, конечно, но многие. И всё здесь было бы замечательно, если бы на самом деле это не было бы простым хвастовством. Да, да! Катя, попросту хвасталась, стараясь хоть какое-то время побыть в центре внимания. Почему? Да потому, что была неусидчивой и увлекающейся девочкой, из-за чего не могла сосредоточиться на учёбе и училась очень посредственно. Никакими выдающимися талантами Катя не Одноклассники с горящими глазами и, чего уж скрывать, немного с завистью обладала по той же самой причине, поэтому всегда находилась как бы в тени своей подружки Лизы. Никто не прислушивался к её мнению, не спрашивал совета, не искал её дружбы и это угнетало, поэтому она искала хоть малейший повод, чтобы выделиться и обратить на себя внимание. Фантазии в отношении Крыма и предстоящего отпуска помогли ей на какое-то время стать центром внимания товарищей, но командование папы почему-то о планах Кати ничего не знало, и отпуск перенесли на осень. И никакие слёзы не смогли заставить командиров изменить своё решение, поэтому Катя немного приуныла, не зная, как теперь оправдаться перед своими товарищами, и чем она будет заниматься летом. После грандиозных

планов отдыха в Крыму ехать в детский спортивный лагерь? Ну, уж нет! Ну, разве можно сравнить Чёрное море с Белым? Что может быть интересного на Белом море? Вот оно, Белое море, рукой подать. Да и не белое оно вовсе, а какое-то свинцово-серое. От одной только мысли о том, как над ней будет насмехаться этот задавака, Витька Верховцев, после всех её рассказов о прелестях отдыха в Крыму, Кате становилось не по себе, поэтому предложение мамы было отвергнуто. «Ни за что не поеду! Никогда! Я лучше всё лето просижу в своей комнате!» – со слезами на глазах говорила Катя маме, не объясняя при этом истинную причину своего отказа. Да и как объяснишь, если она в очередной раз ослушалась своих родителей, и попала в неприятнейшую ситуацию, когда вместо восхищения и удивления её ждали насмешки и презрение?

Заметив за ней привычку бездумно пофантазировать и прихвастнуть, папа неоднократно говорил ей, что человек должен отвечать за свои слова, потому что, во-первых, можно своим необдуманным словом и обидеть, и подвести кого-нибудь, даже если ты этого не хотела, а, во-вторых, тебе просто перестанут верить, даже тогда, когда ты будешь говорить правду. И в первом, и во втором случае, тебе будет очень стыдно и обидно, но виновата во всём ты будешь сама, поэтому надо внимательно следить за тем, что ты говоришь. «Ты представь себе, что может случиться, если тебе перестанут верить?». – говорил ей папа. «Ничего и не будет». – упрямилась Катя. «Ничего? – недоумевал отец. – Представь себе, что ты пошла купаться, отплыла

от берега и у тебя свело судорогой ногу. Ты стала тонуть и звать на помощь, а тебе никто не поверил. Ты понимаешь? Ты кричишь от боли, зовёшь на помощь, а люди на берегу говорят друг другу: «Кто это там кричит? Катя? Да ну её! Надоела со своим враньём!» И ни один не придёт тебе на помощь. Ты понимаешь к чему это может привести?» «Понимаю», – неохотно соглашалась Катя и обещала исправиться. Но, одно дело пообещать, а другое – сдержать обещание. Вряд ли Катя обращала внимание на то, чему её учил папа, так как всё, о чём он её предупреждал, случалось с пугающим постоянством. Не зря в народе о таких невнимательных и непослушных детях говорят, что у них «в одно ухо влетело, а в другое вылетело.» Вот и теперь ей было очень стыдно и досадно, но винила во всём она не себя, а этих «противных командиров», которые не разрешили папе поехать в отпуск летом. Во всём виноваты они, а страдает от этого она, несчастная девочка! И что ей теперь делать? Как с таким несчастьем дальше жить? Катя не знала, и растерялась. «Всё против меня! Ну, всё! И выхода никакого нет! И совета не у кого спросить!» – думала Катя, но потом с радостью воскликнула: «Да как же не у кого? А Лиза?»

Она совсем забыла о своей лучшей подруге Лизе, от которой у неё никогда не было секретов. Какие могут быть секреты от лучшей подруги? Катя тут же, не откладывая дела в долгий ящик, помчалась в соседний подъезд. Лиза, конечно, успокоила её, но она, в отличии от подруги, считала, что виновата во всём сама Катя, а не какие-то неведомые командиры. Нечего было хвастаться! Поэтому, чтобы успокоиться и очистить страдающую душу, посоветовала Кате сходить вместе с ней в церковь и исповедаться, то есть, честно во всём признаться Господу и больше никогда не хвастаться, а ребятам в школе просто рассказать всё как есть, так как подобное случается сплошь и рядом. И, если она так сделает, то её, скорее пожалеют, но смеяться над ней уж точно никто не будет. Но Катя не очень понимала, что от неё хочет Лиза, так как никогда не исповедалась, и не знала о целительной и животворящей роли исповеди, да и в церкви они были с мамой только несколько раз: когда её крестили после рождения, о чём она, конечно же, не помнила, да ещё несколько раз заходили поставить свечки за упокой родителей мамы и папы. Ей казалось, что если она расскажет священнику всё, что успела за свою жизнь сделать неправильного, то над ней будет смеяться не только весь класс, но и весь город. И никакие объяснения Лизы по поводу того, что священник никогда и никому не рассказывает о том, что ему говорят на исповеди, потому что существует «тайна исповеди» и она священна, и что исповедается она не священнику, а Господу, не смогли убедить Катю. В церковь она идти наотрез отказалась. Так же, впрочем, как и от того, чтобы рассказать товарищам правду о том, что папе перенесли отпуск на осень, и ни в какой Крым она поэтому не поедет. Катя считала, что смеяться над ней будут в любом случае, поэтому твёрдо решила пока ничего никому не говорить. Она понимала, что правда всё равно откроется, но пусть это случится когда-нибудь потом, а не сейчас, потому что сейчас ей просто страшно.

Лиза, не зная, как помочь подруге, решила посоветоваться с мамой. Она всегда советовалась с ней, когда не знала, как поступить, и это уберегало Лизу от многих необдуманных поступков. Катя постоянно удивлялась тому, что её подруга никогда не попадала в неприятные ситуации, не понимала причины этого и очень завидовала, хотя, разгадка этого секрета была довольно проста – Лиза слушалась родителей. Мама Юля, хорошо знавшая о пристрастии Кати прихвастнуть при каждом удобном случае и о всех неприятностях, которые следовали за этой нехорошей привычкой, выслушав дочь, пообещала ей подумать о том, как можно помочь подруге дочери. Можно было бы, конечно, придумать нечто такое, что помогло бы ей в этот раз, но мама Юля считала, что надо помочь Кате раз и навсегда избавиться от хвастовства и фантазёрства. В противном случае её несчастьям не будет конца. Она понимала, что какого-то универсального средства, которое помогло бы Кате, просто не существует, поэтому решила обратиться за помощью к своему духовному наставнику игумену Николаю, наместнику того монастыря, куда они каждый год с детьми ездили на все каникулы.

Мама Юля преподавала в детской музыкальной школе, где училась половина из её шестерых детей, но много времени она проводила также и в общеобразовательной школе, помогая в организации различных мероприятий и концертов, в которых вместе с ней и её детьми принимали участие и другие ребята. Именно поэтому знала всё об одноклассниках Лизы и о других ребятах, пытаясь по мере сил помогать всем, кто в этом нуждается. Перед зимними каникулами она организовала в школе внеклассное чтение, на которое приглашались все желающие. Первым произведением, которое предложила прочитать мама Юля, была повесть Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Пришедших послушать эту повесть было не очень много, но мама Юля и не надеялась, что придут все. Повесть прочитали за два дня. Она была так увлекательна, что ребята, заразившись поступками Тимура и его друзей, предложили последовать их примеру и организовать свою команду, которую назвали очень просто – «Скорая помощь». Они решили, так же, как и герои прочитанной повести, помогать старым, больным и просто одиноким людям. Найти таких людей было совсем нетрудно, так как их, увы, на свете немало.

Помощь, которую они могли оказать таким людям, была довольно проста: помыть полы, сходить в магазин или в аптеку, что-то постирать, под присмотром взрослых приготовить что-нибудь покушать, что-то несложное отремонтировать, весной вскопать огород, а то и просто поговорить с одинокими людьми, для которых простое общение было лучше любого лекарства. В порыве энтузиазма в команду решили вступить ребята из разных классов, и поначалу их было достаточно много, но со временем кто-то из них остывал, придумывал какие-то несуществующие причины и отказывался участвовать в этой помощи, поэтому через какое-то непродолжительное время в команде осталось всего десять человек. Всего десять, но это была команда, в которой остались только самые надёжные. И, как бы это ни показалось странным, но в их числе была и Катя. Всё, вроде бы, говорило за то, что она должна была бы одной из первых покинуть эту команду, но Катя осталась. Осталась и без всякого принуждения мыла полы, посещала больных, ходила в аптеку и по магазинам, и, по её собственному признанию, получала от этого удовольствие. Почему? Да потому, что любители похвастаться тоже одиноки. И хотя они молоды и здоровы, но также нуждаются в общении и внимании со стороны окружающих, как и одинокие старики. Они, говоря по правде, и хвастаются, и фантазируют именно от того, что по каким-то причинам мало кто обращает на них внимание. Но вся разница в том, что они одиноки не из-за каких-то жизненных обстоятельств, а из-за того, что обещают и ничего не делают, или рассказывают какие-то небылицы, над которыми все смеются. Послушают, послушают, да и махнут потом на них рукой. Ну сами подумайте, будет ли кто-нибудь дружить с врунишкой-хвастунишкой? Да никто!

Из всех участников команды только Лиза постоянно посещала Церковь, исповедовалась и причащалась. Остальные либо не имели о Православной Вере никакого представления, либо весьма и весьма отдалённое, поэтому мама Юля, понимавшая, что без помощи Божьей здесь никак не обойтись, решила обратиться за советом к батюшке Николаю. Отец игумен, узнав о проблемах мамы Юли, предложил в качестве поощрения пригласить всех участников этой замечательной команды в монастырь, чтобы самому познакомиться с ними, поближе узнать и помочь ребятам, по собственному желанию вставшим на путь добродетели, устоять на этом пути, ибо творение добра и есть борьба со злом.

Мама Юля, собрав всех ребят вместе с родителями, рассказала им о приглашении батюшки Николая всем членам команды приехать в монастырь. Эта новость была для детей полной неожиданностью. Никто из них никогда не задумывался не только о том, чтобы пожить в монастыре, но и о самом монастыре вообще. Монастырь и монахи! Это представлялось настолько таинственным и незнакомым, что они призадумались. Мама Юля, пытаясь убедить ребят принять приглашение батюшки, рассказала о монастыре всё, что они хотели знать, но убедить и заинтересовать смогла не всех. Особенно пугали рассказы о том, что любой монах может рассказать о человеке всё, стоит только с ним встретиться. Страшновато было встречаться с людьми, которые сразу же при встрече могут сказать, что ты успел натворить в твоей жизни такого, о чём, как тебе казалось, никто не знает и не узнает никогда. А тут, на тебе! Только встретились и все твои тайны, как на ладони. Это насторожило абсолютно всех ребят, кроме Лизы. Лиза-то знала, что в этом, во-первых, очень мало правды, а, во-вторых, в этом нет ничего страшного. Она давно поняла, что стыдно должно быть не тогда, когда ты признаёшься в нехорошем поступке, а тогда, когда его совершаешь. Мама Юля немного посмеялась над их опасениями, сказав, что такой способностью обладают далеко не все монахи, а только единицы, но не стала скрывать от них и того, что к таким людям, которым Господь открывает всю правду о жизни человека, относится и батюшка Николай. В то же время она поведала им, что, на самом деле, несмотря на строгость, батюшка – добрейшей души человек, всегда готовый помочь и простить, если провинившийся признаёт свою неправоту и старается исправиться. Мама Юля не постеснялась и призналась даже в том, что и сама была иногда неправа, но каялась, и всегда получала прощение. Её рассказы смогли убедить только пятерых ребят.

Желание узнать о том, как всё-таки живут таинственные монахи, победило страх, и они тут же выразили своё согласие провести какое-то время в монастыре. Остальные, увы, отказались. Среди принявших решение отправиться в монастырь была и Катя, которая ухватилась за эту возможность, как утопающий за соломинку, и для которой, как ей казалось, это был наилучший выход из создавшейся ситуации. Теперь никакой Витька Верховцев не посмеет над ней смеяться, не говоря уж об остальных. Одно только слово «монастырь» чего стоит! В Крым сколько людей ездят? Да множество! А в монастырь? Раз-два и обчёлся! То-то же!

Глава 2

Последние дни учёбы пролетели незаметно. Вроде бы только вчера слушали рассказы о монастыре, а уже пролетел почти месяц. День отъезда наступил. Все ребята жили в ожидании этой поездки, а волновались, непонятно от чего, родители. До монастыря можно было добраться и на автобусе, и на поезде, но выбрали всё-таки поезд. Каких-то одиннадцать часов и на месте! И безопасней, и со всеми удобствами. К тому же в поезде можно и полежать, и посидеть, и походить, и даже побегать. А в автобусе? Сумки и рюкзаки ребят были забиты всяческой снедью, чтобы не проголодались в дороге, как будто путешествовать им предстояло не одиннадцать часов, а несколько дней. И никакие возражения не смогли подействовать на решимость родителей заполнить их рюкзаки и сумки до отказа. И чего там только не было: и шанежки, и калитки, и пирожки, и котлетки, и огурчики, и помидорчики, и жаренная курочка, и варёные яйца, и... . Вагон накормить можно! Но, если быть до конца честным, надо признаться, что ребята не очень-то и сопротивлялись. Так только, для вида. На самом же деле их не очень интересовало, сколько и какие продукты приготовят им в дорогу. Ожидание чего-то нового и неизвестного волновало всех, включая и Лизу, и о еде они думали в последнюю очередь. А Лиза, уже неоднократно бывавшая в монастыре, волновалась потому, что соскучилась и по монастырю, и монастырской братии, и с нетерпением ожидала встречи с ними.

Итак, путешествие началось, и пришло время поближе познакомимся со всеми участниками. Кроме известных нам мамы Юли, Лизы и Кати, в монастырь отправился также одноклассник подружек, «вредина» Витя Верховцев, которому до всего на свете было дело. Мальчик, которого так не любила Катя, отличался большим трудолюбием и любознательностью, не уставал интересоваться всем на свете, не терпел лжи и хвастовства, и всегда готов был прийти на помощь. Прямо-таки пример для подражания, если бы не одно «но». При всех положительных качествах у Вити была одна очень неприятная привычка – он считал своей обязанностью указывать абсолютно всем ребятам, в чём они, по его мнению, неправы. То есть, он высказывал своё мнение даже тогда, когда его никто его об этом не просил. Директор прямо какой-то! Теперь вы понимаете, почему для Кати он был «врединой»? Да потому, что Катя частенько попадала в неловкие ситуации, когда он обличал её хвастовство. Она совершенно искренне считала, что именно из-за этого над ней постоянно подшучивали одноклассники, и очень сердилась на него.

Третьим участником нашего путешествия был шестиклассник Юра. Хулиган, каких ещё поискать. Ни один из ребят, да, наверное, и взрослых, не мог назвать причину, по которой он вдруг решил стать членом команды «Скорой помощи», но отказывать в желании мальчику делать добро никто и не подумал. Раздавались, конечно, сначала отдельные голоса, что от него, мол, толку никакого не будет, а один только вред, но мама Юля пресекла их, а дальнейшие события и вовсе подтвердили её правоту. Юра был у мамы один. Папы у Юры не было. По какой причине, никто не интересовался. Не было и всё! И, если вдруг кому-то из ребят хотелось узнать, где его папа, Юра становился очень агрессивным, начинал говорить любопытствующему всякие нехорошие и обидные слова, и очень скоро желающих что-то узнать о его отце не осталось. А мама Юры, чтобы как-то свести концы с концами, работала на двух работах, поэтому он фактически был предоставлен сам себе. Иногда случалось и так, что ему приходилось самому готовить еду, так как у мамы не хватало на это ни времени, ни сил. Жалея маму, он принял решение помогать ей, и научился готовить сам. Что может быть проще? Взял кулинарную книгу, изучил её, и, как говорится, дело в шляпе. Его умение очень пригодилось в работе команды, так как готовил Юра, несмотря на юный возраст, очень хорошо, чем заслужил уважение не только товарищей, но и похвалы тех, для кого он готовил. Участие в работе «Скорой помощи» заметно повлияло в лучшую сторону не только на характер мальчика, но

и на учёбу. Все были рады этим переменам, но в монастырь Юра решил поехать скорее всего потому, что никаких планов на лето у него не было, а провести все каникулы на улице, как это было раньше, он не хотел.

Вот такой он был, Юра Кожевников, один из участников этой замечательной команды. Сейчас он сидел на нижней полке плацкартного вагона и что-то с увлечением рассказывал ещё одной героине нашего рассказа, восьмикласснице Маше Румянцевой, самой старшей из путешествующих детей. Маша, самая удивительная и необычная девочка не только в команде «Скорой помощи», но и, пожалуй, во всей школе, с улыбкой слушала Юру. Она была необычна во всём. Маша никогда ни на кого не обижалась. Её лицо светилось радостью и добротой даже тогда, когда ей говорили какие-то очень неприятные вещи. Но в то же время могла поплакать вместе с каким-нибудь мальчишкой первоклассником, упавшим во время перемены, жалея его. Маша отличалась от всех других ребят абсолютной безотказностью, даже в ущерб себе. Поначалу над ней в школе изрядно поиздевались, считая её ненормальной, но со временем, как-то само собой, отношение к ней изменилось, и вместо издевок пришла всеобщая любовь, и обидеть её стало считаться не просто чем-то неприличным, а настоящим позором.

Прямо напротив них, уткнувшись в планшетный компьютер, сидел одноклассник Юры Вася Роговцев. Мальчик настолько погрузился в какую-то игру, что не замечал ничего вокруг. Вася, один из всех путешествующих, не имел никакого отношения к команде «Скорой помощи», и ехал с ребятами не по своей воле, а по настоянию родителей. И дело было совсем не в том, что Васины родители хотели, чтобы он стал монахом и поэтому настояли на этой поездке, а в том, что он попал в полную зависимость от компьютера. Хотели родители сделать сыну подарок, и купили ему, на своё несчастье, планшетный компьютер. С этого дня Вася забыл обо всём на свете: и о футболе, и об улице, и о товарищах, не говоря уж об учёбе. Об учёбе он забыл в первую очередь, и никакие уговоры, и даже наказания, не могли заставить Васю оторваться от компьютера. И что только не пытались делать родители, но всё было тщетно. Совершенно отчаявшись, они уговорили маму Юлю взять их сына с собой в монастырь в надежде на то, что там ему помогут избавиться от этого треклятой заразы, и вернут их сына к нормальной жизни. Вася, узнав о намерениях родителей, взбрыкнул, закатил истерику и попытался было отказаться от поездки, но угроза папы разбить вдребезги его планшетник, если сын откажется ехать в монастырь, подействовала на него отрезвляюще, и он был вынужден согласиться. «Расстаться с планшетником? Да, никогда! Что хотите сделаю, только не это!» – решил Вася.

Дружная компания путешественников расположилась в двух соседних купе. Устроились быстро, так как путь был недолог и застилать постели не было никакой необходимости. Мама Юля, зная порядки монастыря, предложила всем ребятам выложить свои продукты, чтобы в первую очередь съесть все мясные припасы, потому что монахи мясо не едят, а что-то выбрасывать мама Юля считала недопустимым. Уговаривать кого-нибудь перекусить не было никакой необходимости. Такое могло случиться только дома, когда мама уговаривала сыночка или доченьку что-нибудь покушать, а они могли себе позволить привередничать: «Я этого не хочу», или «Я этого не буду». А здесь, в коллективе, когда никто никого уговаривать не собирался, все эти «не хочу» и «не буду» испарялись сами собой. Не хочешь – ходи голодный! Перечислять заготовленные родителями яства мы не будем, так как, в общем-то, сделали это раньше. Скажем только, что все ребята дружно навалились на еду, причём каждый хотел попробовать то, что приготовили не их мама и папа, а другие родители. Почему? Да, кто ж его знает? Наверное, из любопытства. А может и потому, что чужое всегда кажется вкусней. Трапезничали недолго, не более пятнадцати минут. Покушав, убрали со стола и примостились, кто где захотел. Витя Верховцев, тот даже залез на верхнюю полку, лёг на живот и стал смотреть на мелькавшие мимо пейзажи. Через несколько минут начал напевать что-то неразборчивое и заунывное. Какое-то время на него никто не обращал внимания, но скоро пение заинтересовало не только ребят, но и маму Юлю. Она подняла голову, и спросила:

– Что это за песня, Витя?

– Я недавно прочитал в научно-популярном журнале, что люди, живущие в степи, когда путешествуют, поют обо всём, что им встречается на пути. – ответил Витя. – Вот я и решил попробовать делать также, как и они.

– И что у тебя получилось?

– Не знаю, – честно ответил мальчик.

– А можешь рассказать, о чём ты пел? – настаивала мама Юля.

– Могу, – без всякого стеснения ответил Витя. – Я увидел воробышка, и стал петь о нём. О том, что воробышка ждут в гнезде маленькие детки, а он летает и ловит кузнечиков, чтобы их накормить.

– И всё?

– Нет, не всё. Дальше вспомнил о том, что у кузнечиков тоже могут быть дети, которые ждут своих родителей, и мне стало их жалко, поэтому я стал петь и просить воробышка не кушать кузнечиков, а выбрать себе что-нибудь другое.

– Ну, и что же воробышек? Согласился? – улыбнулась мама Юля.

– Сначала нет. Тогда я стал петь о том, что кузнечики поставят ему памятник, если он согласится их не кушать, – продолжил Витя.

Слушавшие этот разговор ребята притихли. При последних словах дружно засмеялись, а Маша даже радостно захлопала в ладоши.

– Неожиданное предложение, – согласилась мама Юля, – Ну, и что же ответил воробышек?

– Не знаю, – признался Витя. – Я ещё до этого места не допел.

Разговор заметно развеселил ребят, а Витя, перестав петь, замолчал и задумчиво уставился в окно. «Что я такое смешное сказал? – подумал с огорчением Витя. – Всё! Дальше вслух петь не буду. Степняк один едет на лошади? Один! Его песню кто-нибудь слышит? Нет! Значит и я буду петь так, чтобы никто не слышал!» – решил мальчик и всецело погрузился в себя. Вот так необдуманный смех лишил ребят возможности узнать дальнейшую судьбу воробышка и кузнечиков, и, вместе с этим, обидел их товарища, искренне рассказавшего о своём первом творческом опыте. Его невеликая обида была бы куда меньше, если бы знал, что Маша захлопала в ладоши от того, что он не скрывал своей жалости к кузнечикам, и таким образом хотела выразить своё одобрение. Но он, увы, этого не знал.

Глава 3

Дальнейшая дорога прошла без каких-либо происшествий, и поезд прибыл к месту назначения по расписанию ещё до наступления вечера. Да, впрочем, какой же в Карелии вечер? Такой же, как в Москве пасмурный день. Ну, может, чуть-чуть темнее. Выгрузились и пошли вслед за мамой Юлей на вокзал. К удивлению путешественников, их никто не встречал, хотя батюшка Николай предупредил маму Юлю в телефонном разговоре, что их обязательно встретят. Посмотрев по сторонам, и не увидев того, кого ожидала увидеть, мама Юля решительно направилась к выходу из здания вокзала. Она не очень расстраивалась, так как до самого монастыря, даже если идти пешком, минут двадцать не более. Неподъёмной поклажи не было. Все дети, слава Богу, живы-здоровы. Так о чём же грустить? Рюкзаки за спину, и вперёд! Дети, конечно, немного волновались перед первой встречей с живыми монахами, потому что, наслышанные о постоянных постах и молитвах, представляли себе монахов хмурыми, худыми и совершенно измождёнными от голода людьми, от которых и слова не дождёшься. Каково же было их удивление, когда перед ними как из ниоткуда вырос огромный дядька, одетый с головы до пят в чёрное одеяние, застёгнутое до самого горла и очень похожее на мамин халат, перетянутый пояском. От неожиданности все, включая и маму Юлю, остановились. Видя замешательство детей, монах рассмеялся, озарив всех своей белозубой улыбкой, и густым басом произнёс:

– Здравствуйте, братья и сестры! С благополучным прибытием! – дружелюбно сказал он.

Все путешественники, за исключением мамы Юли и Лизы, стали оглядываться по сторонам, пытаясь понять, с кем здоровается этот огромный весельчак, но рядом никого не было. Они не знали, что все православные люди друг другу братья и сёстры по вере безотносительно возраста. В монастырской среде это правило действует неукоснительно, поэтому совершенно не выглядит странным случай, когда какой-нибудь малыш обращается к совсем старому человеку просто по имени. В миру такое обращение было бы воспринято как верх неуважения к старшим, но только не в монастыре. Поняв причину их замешательства, монах развеселился ещё больше:

– Зовут меня отец Пётр, – лучезарно улыбаясь сквозь густейшую, доходящую до груди бороду, сказал монах. – Знакомиться будем потом, а сейчас, строем и с песней за мной марш!

Дети совершенно оторопели. Они знали, что в монастыре свои порядки, но почему же мама Юля не предупредила, что они должны научиться ходить строем и петь какую-нибудь строевую песню? Очень им не хотелось, как говориться, ударить в грязь лицом. Увидев, что ребята замерли в недоумении, рассмеялись уже мама Юля и Лиза:

– Отец Пётр шутит! – пояснила мама Юля. – Пошли за ним! Не отставайте!

Возникшее недоумение и напряжение мгновенно прошли, и ребята гурьбой, обсуждая шутку отца Петра, направились за ним. Лазурный микроавтобус ожидал их недалеко от вокзала. Загрузились и поехали. Дорога заняла не более трёх минут. Машина заехала в большой двор двухэтажного каменного здания, расположенного на окраине города. Двор был огорожен со всех сторон глухим забором из профильного серебристо-белого железа и заканчивался на берегу широкой реки. Рядом с домом возвышался собор. Когда-то давно это было величественное и красивое здание, но сейчас его внешний вид портили облупившаяся штукатурка, кое-где выпавшие из стен кирпичи, наглухо заколоченные досками высокие стрельчатые окна и строительные леса вокруг большой центральной главки, которую восстанавливали строители. Дом, во двор которого заехала машина, как пояснила мама Юля, называется братским корпусом, потому что там живут монахи, и называется он братским по той самой причине, что все православные друг другу братья, а уж монахи тем более.

Не успели путешественники покинуть микроавтобус, как открылась дверь и вышел наместник монастыря игумен Николай. Представления ребят о монахах окончательно поколебались. Батюшка был ещё крупнее, чем отец Пётр. Вот тебе и хужоба! Вот и слушаи потом все эти сказки про худых как скелеты монахах.

– Ну, здравствуйте, здравствуйте герои! – обратился к ним отец Николай, и благословил подошедших поздороваться маму Юлю и Лизу, и перекрестил всех остальных. Ребята дружным хором ответили настоятелю.

– Как добрались? – обратился батюшка к прибывшим.

– Хорошо! – так же хором ответили дети. Видя дружелюбного и приветливого отца наместника, ребята обступили его со всех сторон и стали, перебивая друг друга, что-то рассказывать батюшке. Даже Вася, который всю дорогу провёл, уткнувшись в планшетник. Понять, что они говорят, было невозможно, поэтому отец Николай поднял руку в знак тишины и обратился к ребятам:

– Давайте научимся уважать друг друга и разговаривать по одному. Договорились? – спросил он.

– Да! – хором ответили ребята, но тут же, перебивая друг друга, опять стали говорить все вместе.

Отец Николай, видя такое несогласие в коллективе, рассмеялся и обратился к маме Юле:

– Юля! Эдак мы друг друга никогда не услышим. Давай-ка веди ребят в домовый храм. Там будете жить. Матрасы и постельное бельё приготовили. Отдохните с полчаса и в трапезную, чайку с дороги попьём. Там и познакомимся, – закончил отец игумен и, повернувшись, зашёл в здание. За ним последовали и все остальные.

Домовой храм представлял из себя большую комнату, в восточной части которой находился небольшой отгороженный алтарь. По прямому назначению он давно не использовался, поэтому престола там не было, и называли эту комнату домовым храмом по привычке. Расположились и заправили постели довольно быстро. Недоумение у некоторых ребят вызвало отсутствие кроватей и лежащие на полу матрасы, но мама Юля пояснила, что монастырь – не место для мягких диванов и перин. Человек должен научиться сам себя ограничивать и понять ненужность множества вещей, которые окружают нас. Вещей, без которых, как нам кажется, мы не можем прожить и дня. Надо сказать, что, несмотря на весь авторитет мамы Юли, ей не очень-то и поверили, но времени на споры по этому вопросу не было, так как в трапезной их ожидал уже батюшка Николай, а опаздывать к назначенному времени в монастыре непозволительно ни для кого. Наведя в комнате относительный порядок, ребята последовали за мамой Юлей. Трапезная представляла из себя большую прямоугольную комнату, почти всю длину которой занимал длинный стол, устланный скатертью. На столе стояли столовые приборы, приготовленные для чаепития, тарелки с сахаром, различное печенье, масло, сыр, фрукты и многое другое. Обилие и разнообразие пищи скорее обрадовало, нежели удивило ребят, ожидавших более скудного и ограниченного питания. По бокам стола с обеих сторон стояли длинные скамейки, на которые и сели дети, ожидая отца Николая. Батюшка вошёл в трапезную ровно в назначенный час. Все встали. Мама Юля по знаку отца игумена начала читать молитву к принятию пищи. Отец Николай благословил, и все уселись за стол. Дети сидели смирно, боясь притронуться к чему-нибудь и не зная, как себя вести. Мама Юля рассказывала о правилах поведения за столом, но из-за волнения они обо всём забыли. Отец Николай, видя растерянность ребят, попросил маму Юлю поухаживать за всеми, что она и сделала. Мало-помалу первое напряжение спало, и батюшка начал задавать ребятам вопросы, желая познакомиться с ними поближе. Все дети, за исключением, пожалуй, Васи, с охотой отвечали на его вопросы об учёбе, о деятельности их команды и о причине, по которой они приняли решение приехать в монастырь. Вася, отлучённый от компьютера, чувствовал себя очень неудобно, но, не желая оставаться в стороне, решил рассмешить батюшку и рассказал ему о песне, которую по дороге

сюда в поезде спел ребятам Витя, надеясь, что он будет над ней смеяться так же, как и они, но отец Николай, выслушав рассказ, едва заметно улыбнулся, и пристально посмотрел на Витю, от чего тот, казалось, как-то даже съёжился. Воцарилось недолгое молчание, которое прервали неожиданные слова батюшки:

– Молодец, Витя! – похвалил он мальчика, – Хорошая песня.

– Почему, батюшка? – не удержалась от вопроса Катя.

– Во-первых, потому, что сам расширяет свои знания и читает не только то, что задавали в школе. Во-вторых, потому, что учится думать логически, то есть, представлять себе, какие последствия могут последовать за тем или иным действием. Если бы он не сделал этого, то мысль о кузнечиках и их детях никогда бы не пришла в его голову. А, в-третьих, он пожалел кузнечиков, и это самое главное. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут!» – сказал Господь. Вы меня поняли? – обратился батюшка к ребятам.

– Да-а-а! – хором ответили дети, хотя поняли, конечно, не всё.

– Ну, и прекрасно! – похвалил батюшка. – О распорядке дня вам расскажет Юлия Андреевна. Если у кого-то возникнут вопросы или просьбы, то обращайтесь к ней, – закончил батюшка и встал. Затем, прочитав молитву после принятия пищи, он вышел из трапезной, оставив ребят одних. Посуду со стола убирали все вместе под руководством мамы Юли. Мыть посуду вызвались Лиза и Маша, а остальные ребята отправились в отведённую им комнату. Так и началась их монастырская жизнь.

Глава 4

В монастыре работают все. Бездельникам здесь не место. Мама Юля рассказала ребятам, что такое правило существует в монастырях с древнейших времён не только потому, что монахи сами себя обслуживают, но и потому, что у праздного человека обязательно возникают какие-нибудь плохие мысли и намерения. Враг человеческий, дьявол, и слуги его, бесы, не дремлют, поэтому монахи находятся в постоянном труде и молитве. И всё потому, что цель их жизни заключается в том, чтобы избежать не только плохих, то есть, греховных, дел, но даже и мыслей о них, и тем самым угодить Богу, выполняя его Заповеди. Для ребят всё это было внове, но к словам мамы Юли отнеслись со всей серьёзностью. А иначе зачем они сюда приехали? Учиться и трудиться! Они ведь паломники! Не туристы какие-нибудь!

Мама Юля познакомила ребят с распорядком дня, который выглядел так:

1. Подъём в 7.00. Умывание и утренние молитвы.
2. Завтрак в 8.00.
3. Работа с 8.30 до 12.30.
4. Обед в 13.00.
5. Ознакомительные экскурсии с 13.30 до 17.00.
6. Свободное время с 17.00 до 18.00.
7. Вечернее богослужение с 18.00 до 19.00.
8. Ужин в 19.00.
9. Духовные беседы с 19.30 до 21.00.
10. Чтение духовной литературы с 21.00 до 22.00
11. Отбой в 22.00.

Не всем, конечно, пришёлся по душе этот распорядок дня, но здесь уж ничего не поделаешь – в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Особенно страдал Вася. Дело в том, что в монастыре запрещено пользование мобильными телефонами, а уж тем более планшетным компьютером. И пришлось нашему Василию, как он ни страдал, отдать отцу-эконому свой ненаглядный планшетник. Даже прослезился от горя. Но делать нечего. Перспектива потерять его навсегда была куда более нестерпимой. «Потерплю недельку, – думал про себя Вася, – а там всё вернётся на свои места.» Событие вроде бы малопримечательное, если не обращать внимания на то, что в первый раз в своей жизни мальчик решил, хоть и под нажимом, что-то перетерпеть. Лиха беда начало. Для остальных детей этот распорядок дня не представлял никаких неудобств, разве что немного пугало вечернее богослужение, поскольку на службе в церкви большинство из них никогда не было. Всё окружающее поначалу было интригующим: и молчаливые монахи, излучающие какой-то внутренний свет, и храм в полуподвале старинного собора, и иконы на стенах. Но все недоумения и сомнения рассеялись с наступлением первого дня пребывания в монастыре. Совместные утренние молитвы, завтрак и работы по уборке помещений братского корпуса, не оставляли ребятам времени на какие-то размышления. Они были постоянно заняты, и это уберегало их от ненужных мыслей. Даже Вася, огорчённый до глубины души тем, что его оторвали от любимого компьютера, заметно повеселел. За обеденный стол садились уже совершенно другие дети, потому что они почувствовали себя причастными к жизни монастыря, и, хочешь не хочешь, обрели от этого уверенность. Они приносили пользу, и это рождало в них чувство удовлетворения и внутренней радости. Были, конечно, попытки некоторых ребят хвастаться и сравнивать, кто больше сделал, а кто меньше, но мама Юля эти разговоры пресекла, объяснив, что каждый вносит в общее дело тот вклад, который ему по силам, но от этого даже самый малый вклад не становится менее ценен. После обеда батюшка Николай благословил ребят познакомиться с монастырской фермой, которая находилась в трёх-четырёх километрах от монастыря. Туда можно было доехать и на автобусе,

но решили добираться пешком – и веселее, и для здоровья полезней. Ферма находилась на том же берегу реки, что и монастырь. Она представляла из себя длинное, метров тридцати, деревянное бревенчатое здание, огороженное со стороны суши забором. Охранявшая вход на ферму большая собака, очень похожая на овчарку, встретила отчаянным лаем. Было件нятно, что чужих здесь не привечают, и ребята немного испугались. Во дворе, у входа в саму ферму, залаяла ещё одна собака, куда больше и агрессивнее первой, и это совершенно обескуражило ребят. Все, кроме мамы Юли и Лизы, остановились, не решаясь идти дальше, но они показали, что мимо собаки, находящейся у ворот, можно беспрепятственно пройти, так как оставалось не менее двух метров свободного пространства, куда она не могла достать. То же самое касалось и второй собаки. Не было никакой необходимости заходить в ту дверь, которую бдительно охранял грозный сторож. В здание самой фермы можно было зайти и с обратной стороны, но знали об этом только свои. Не желая показать перед другими свой страх, почти все ребята, кроме Маши, проскользнули, хоть и с замиранием сердца, мимо свирепых охранников. Маша немного отстала от них, залюбовавшись широкой рекой, несущей свои воды в Белое море. Оторвавшись от завораживающего зрелища и, увидев, что ребята ушли уже довольно далеко, поспешила вслед за ними. Катя хотела предупредить её о грозящей опасности, но, ко всеобщему удивлению, первая собака не обратила на Машу никакого внимания, продолжая лаять на самих ребят, а вторая и вовсе усердно махала хвостом, признаваясь ей в своём дружелюбии. Мысли о том, что они, то есть, Маша и эта большая злобная собака, хорошо знакомы, допустить не мог никто, поэтому причина такого дружелюбия монастырской собаки осталась для ребят большой загадкой. Необъяснимые явления, которые иногда происходят в монастыре, и о которых предупреждала мама Юля, начали происходить на их глазах. Ребята, причём все одновременно, вспомнили об этом предупреждении, и первое впечатление о том, что в монастыре всё совершенно обыденно, и, в общем-то, скучновато, мгновенно улетучилось. Их удивлению не было конца, когда Маша вдруг подошла к собаке и стала её гладить, что-то приговаривая. Ребята очень перепугались, а мама Юля даже хотела закричать и запретить подходить к собаке, но огромный пёс всем своим видом излучал такое удовольствие, что, будь он кошкой, то, наверное, замурлыкал бы. К всеобщему облегчению Маша, сказав что-то на прощание своему новому другу, подошла к ребятам, с улыбкой глядя на их перепуганные лица. Мама Юля хотела сделать ей выговор за столь необдуманное поведение, но, посмотрев на её счастливое лицо, не стала этого делать. Наверное, потому что и сама не очень понимала, как на это реагировать. Это маленькое происшествие, если можно его таким назвать, несколько отвлекло ребят от цели их визита, но всех вернул к действительности зычный голос петуха, неожиданно раздавшийся совсем рядом:

– Ку-ка-ре-ку! – прокричал большой белый красавец, выглядывая из-за стены, у которой остановились ребята. Можно было подумать, что он обнаружил неприятеля, или своим криком предупреждал куриное сообщество об опасности. А может и вызывал предполагаемого противника, если таковой найдётся, на бой. Он же петух! Ему иначе никак нельзя! Уважающему себя петуху, чтобы сохранить уважение куриц, надо постоянно напоминать, кто здесь главный, а при случае и подтверждать это на деле. Вот он и кричит во всё горло. И днём, и ночью. Некоторые, правда, утверждают, что петух чувствует время, и кукарекает в определённые часы, но подтвердить данную гипотезу пока не смог никто. Только догадки и предположения. Курицы, тем не менее, не обратили на его крик никакого внимания, и продолжали что-то клевать, отгребая лапками землю. Ну, никакого уважения! Хотя, для куриного сообщества это может быть и в порядке вещей. Люди всегда сравнивают поведение животных со своим, поэтому часто недоумевают, сталкиваясь с такими поступками животных, которые не соответствуют нашим представлениям о том, как следовало бы поступить, и очень умиляются, когда животные поступают в каких-то ситуациях так же, как и человек. Поди разберись, что у них там правильно, а что нет, но требовать от куриц, чтобы они хлопали крыльями каждый раз в

знак одобрения, когда прокукарекает петух, вряд ли разумно. Да и надо ли? Пусть живут в их курином мире по своим правилам, а не так, как хотелось бы нам. И им спокойней, и нам. В голове нашего старого знакомого Вити Верховцева таких мыслей наверняка не было, потому что он, несмотря на пребывание в монастыре, всё ещё находился в состоянии кочевника, путешествующего по степи и распевающего свои немудрёные песни. Наверное, именно поэтому Витя решил поближе познакомиться с петухом и, ничтоже сумняшеся, с радостной улыбкой пошёл, как к старому знакомцу, навстречу петуху. Петух улыбаться не умел, да и вообще вряд ли знал, что такое улыбка, поэтому намерение Вити встретил с некоторым недоумением, поглядывая на него настороженным взглядом. Когда мальчик-кочевник приблизился на совсем уж непозволительное, по мнению петуха, расстояние, петух окончательно забеспокоился, взволнованно закудаhtал и бросился наутёк. Вот здесь-то куриное стадо и показало, что вроде бы наплевательское отношение к своему вожаку, одна только видимость, и бросилось вслед за ним врассыпную. Гвалт при этом поднялся невероятный. Витя, полный любви и любознательности, обиженно остановился в растерянности и недоумении. Как же так? Он же в лучших своих чувствах хотел поближе познакомиться с этим прекрасным петухом, и, может, даже спеть о нём песню, а теперь что? Мальчик, к своим десяти годам, ни разу в жизни не встречался с домашними животными, кроме кошек и собак, поэтому предполагал, что и остальные ведут себя так же, как Жулька и Мурка, жившие у них дома, то есть, с удовольствием и радостью позволяют себя гладить и даже брать на руки. Здесь-то что не так? Это маленькое происшествие изрядно позабавило ребят, загальдевших почти так же, как и куриное стадо. Веселье и шутки продолжались бы, возможно, и дальше, но тут из задних открытых ворот фермы вышел пожилой мужчина с уже седеющей бородой, и с улыбкой посмотрел на ребят:

Здравствуйте, братья и сёстры! – всё так же улыбаясь, приветливо произнёс мужчина. – Зовут меня Сергей. – А вас как? – просто спросил он. Ребята наперебой стали представляться, называя свои имена.

– Ну, вот и познакомились, слава Богу! – выслушав детей, произнёс Сергей. – Живу я здесь один, если не считать помощников.

– А где же ваши помощники? – спросила Маша.

– Помощники? – переспросил в свою очередь Сергей, – А вот они! – сказал он, указывая рукой на большое стадо кур. – А там, в загоне, ещё три помощника: две коровы, да тёлка.

– Какие же они помощники? – с недоумением спросил молчавший до этого Юра.

– Как это какие? – с улыбкой переспросил Сергей. – Хотя, верно. Если быть предельно точным, то помощник именно я, а главную работу выполняют как раз эти куры, коровы, да собаки. Это они дают молоко и яйца, охраняют ферму, а мне остаётся только собирать всё это богатство и отправлять в монастырь.

Такой взгляд показался ребятам несколько необычным, но спорить с Сергием не стали. Не для этого пришли. Им была обещана рыбалка, которую с нетерпением ожидали не только мальчишки, но и некоторые девочки. Катя, например. Она никогда не рыбачила, хотя всю свою непродолжительную жизнь прожила в городе, где причастными к рыбалке были, казалось, все без исключения жители. Ну, не все, конечно, но большая их часть. И самой популярной темой разговора у многих жителей была как раз-таки рыбалка. Такое рядовое событие можно было бы и вовсе не упоминать, если бы Вася, закинувший удочку одним из первых, не встал на большой камень, наполовину покрытый водой. Очень уж хотелось Васе закинуть удочку подальше, чтобы поймать «царскую рыбу» сёмгу, которая водилась в этой реке. Камень был покрыт еле заметной слизью. Встав на него, Василий, естественно, стал соскальзывать, как с ледяной горки, в быстро текущую реку. Совершенно растерявшийся мальчик соскользнул в реку, и по плечи погрузился в воду. Глаза его округлились от страха, и он завопил что есть мочи:

– Сергей! Сергей! На помощь!

Если бы его спросили, по какой причине он звал именно Сергия, с которым только-только познакомился, Вася вряд ли смог бы объяснить, но Сергей появился как ниоткуда. Его вроде бы не было с ребятами, когда они пришли на берег реки, и, вдруг, он оказался в воде рядом с кричащим Васей, словно воплотился из воздуха. Он стоял рядом с барахтающимся мальчиком и с улыбкой смотрел на него.

– Куда путь держим? – спросил Сергей, продолжая улыбаться. Вопрос заставил мальчика замолчать, так как его взгляд упёрся в колени стоящего в воде Сергия. Вода не доставала и до колен, так что Вася понял, что он попал в какую-то очень уж неловкую ситуацию. Не зря в народе говорят, что у страха глаза велики. Сообразив, что находится в нелепом положении, Вася поднялся на ноги. Вода ручьём стекала с его мокрой одежды. Он стоял, размахивал руками и говорил что-то невразумительное, пытаясь скрыть свой страх и панику. Дети, испуганные поначалу этим происшествием, поняв его комичность, принялись безудержно смеяться. И не смеяться даже, а хохотать. Лицо Васи покраснело от стыда и неловкости, и Сергей, чтобы не дать разгореться детским насмешкам, вывел парнишку на берег, и увёл на ферму. Смех и веселье продолжались ещё довольно долго. Ребята никак не могли забыть истерические крики Василия о помощи, и даже по дороге в монастырь Юра несколько раз, подражая Васе, кричал плачущим голосом: «Сергий! Помоги!», неизменно вызывая смех ребят. Вася не обижался и смеялся вместе со всеми. В монастырь вернулись за час до вечернего богослужения. После дороги умылись и собрались в домовом храме. Там их поджидал отец Тихон, монах, которому батюшка Николай поручил провести с ребятами беседу и объяснить, что такое «исповедь», и как к ней надо готовиться. Понимая, что дети не очень разбираются в том, что такое грех, отец Тихон на различных примерах из жизни старался рассказать ребятам, как отличить плохие дела от добрых, чем доброе дело отличается от корыстного и многое другое. Например, ты помог какому-то человеку, и по мирской привычке, ждёшь от него благодарности. Будет ли это считаться добрым делом? Все, кроме Лизы, ответили, что, конечно же, будет. Одна Лиза не согласилась с этим и пояснила, что доброе дело тогда будет истинно добрым, когда ты, оказав кому-нибудь помощь, ничего не требуешь взамен. Даже благодарности. И не только не требуешь ничего взамен, но и сам забываешь об оказанной помощи, и ни в коем случае не хвалишь себя даже в мыслях за это, потому что, восхваляя в мыслях самого себя, ты можешь, в конечном счёте, заболеть гордыней, матерью всех грехов. А что может быть страшнее? Дети, конечно, об этом мало что знали, поэтому их представления о том, что такое хорошо, и что такое плохо, было весьма размытое. В конце беседы отец Тихон предложил ребятам записать на листочке всё, что, по их мнению, они сделали неправильно. Это поможет им на исповеди, так как многие люди, приходя на исповедь, забывают о том, в чём хотели покаяться, и начинают говорить либо обо всём подряд, либо просто замолкают. Ребята кивали головой в знак того, что всё поняли, но на исповеди, оказалось, что это совсем не так. Отец Николай, решивший исповедовать ребят сам, видел, что дети, пришедшие на исповедь в первый раз, либо что-то скрывают, либо не понимают, какие плохие дела они уже успели совершить. По окончании службы он предложил всех ребят задержаться, чтобы поговорить об этом. Уличённые в сокрытии грехов дети краснели, соглашались с тем, что говорил батюшка, но так до конца и не поняли, зачем им самим нужно признаваться в том, что они до сих пор так успешно, как им казалось, скрывали. Батюшка чувствовал это сопротивление, поэтому предложил ребятам совершить совместную молитву Господу нашему Иисусу Христу с просьбой о том, чтобы Господь помог детям понять свои грехи и дурные привычки. Так и закончился их первый день в монастыре.

Глава 5

Следующий день начался как обычно. Проснулись, умылись, прочитали утренние молитвы, позавтракали и стали заниматься уборкой территории монастыря. Всё, как всегда, если бы не задумчивое состояние всех ребят, кроме Лизы, которой с ними не было. Только её исповедь вчера принял отец Николай, поэтому сейчас она находилась на Божественной литургии и готовилась к причастию. Обычного смеха и непрерывных разговоров было куда меньше, чем обычно. Мама Юля обратила, конечно, на это внимание, но решила, что дети ещё не до конца привыкли к распорядку дня, постоянному труду, и немного устали, но она ошибалась. На самом же деле причина их задумчивости была в другом. Дети и хотели бы как следует выполнять свой урок, но что-то не давало им это сделать, поэтому работали они, что называется, спустя рукава, вновь и вновь переделывая заново уже сделанную работу, но всё равно появлялись какие-то огрехи, которые опять приходилось исправлять. Любая работа получается хорошо только тогда, когда работник сосредотачивается только на ней, не отвлекаясь на что-то другое. Только тогда она даёт положительный результат и приносит радость. Сейчас же этого не было и в помине из-за рассеянности детей. Мама Юля, видя, как мучаются дети, старалась все недочёты исправлять сама, так как плохое исполнение своего урока (так в монастыре, совсем как в школе, называют порученное дело) здесь недопустимо, потому что любое дело совершается во славу Божию. Время до обеда тянулось, казалось, бесконечно долго, но обед, как тому и положено быть, всё-таки наступил, хотя это не принесло ребятам видимого облегчения. Батюшка Николай, глядя на сосредоточенные лица детей во время обеда, улыбнулся и спросил:

– О чём грустим отрок Василий?

– Простите, батюшка, но я так толком и не понял, в чём же состоят мои грехи, – сразу же отозвался парнишка. – Очень странно! Как будто я .. – взволнованно начал говорить Вася, но батюшка его прервал:

– Не стоит рассказывать нам об этом во время обеда. Сначала пообедаем, а потом уж займёмся другими делами, – закончил батюшка.

В монастыре во время принятия пищи кто-то один обязательно читает «Жития Святых». Это правило не отменяется почти никогда, и, если отменяется, то делается это только по благословению отца настоятеля. Сегодня «Жития Святых» читал монах отец Тихон. Звук колокольчика, как обычно, ознаменовал окончание обеда. Все поднялись, прочитали благодарственную молитву Господу после принятия пищи и разошлись по своим делам. Ушли все: и монахи, и послушники, и трудники. Здесь надо бы объяснить, кто живёт в монастыре, и кто эти все перечисленные люди, потому что вряд ли читатели что-то знают о них. Итак, монахи, это люди, всецело посвятившие себя служению Богу, и давшие обет, то есть, поклявшиеся, служить ему до конца жизни. Послушники – это люди, которые так же решили посвятить свою жизнь служению Богу, но для того, чтобы сделать свой окончательный выбор, они должны провести какое-то время в монастыре в трудах и молитвах. Бывает иногда так, что человек, решивший уйти в монастырь, по каким-то причинам изменяет своё решение и хочет вернуться в мирскую жизнь. Именно поэтому, чтобы не быть клятвоотступником, что является великим грехом, ему и даётся время, чтобы проверить правильность своего выбора, и только после этого принять окончательное решение. У каждого послушника обязательно есть духовный отец, который наставляет его в духовной жизни: объясняет ошибки, расширяет знания, и укрепляет в духовной борьбе. Принятие пострига возможно только после разрешения духовного наставника, потому что только он один знает особенности характера ученика и только он, в силу своего духовного опыта, может определить, готов ли тот или иной человек выдержать монастырскую жизнь. Сам послушник такого решения принять не может. А трудники – это те, кто приезжает в монастырь на какое-то время потрудиться, разрешить свои жизненные проблемы

и укрепиться духовно. Время пребывания таких людей в монастыре определяют они сами, так как зачастую приезжают во время отпуска. Но, чаще всего это одни и те же люди, приезжающие в монастырь в течение долгих лет, так как на своём личном опыте поняли всю живительную силу и помощь, которую они получают от Господа даже во время недолгого пребывания в монастыре. Вообще-то, смысл всей человеческой жизни на земле и заключается как раз во взаимопомощи. Одни выращивают хлеб, другие строят дома и дороги, третьи дают людям знания, четвёртые лечат людей от болезней тела, пятые охраняют их мирный труд и так далее. Могут ли прожить люди друг без друга? Конечно же, нет! Об этой взаимопомощи и говорится во второй Заповеди: «Возлюби ближнего своего, как самого себя!» А монастыри и монахи являются духовными хранителями и наставниками всех людей, потому что за суетой повседневной жизни люди, отрываясь от Бога, начинают забывать, что на самом деле хорошо, а что является злом, то есть, грехом. И именно это знание добра и зла, охраняемое монахами, помогает людям правильно строить свои взаимоотношения. И, если бы люди следовали Заповедям Божиим, то никогда не было бы никаких войн, и никаких несчастий в жизни. Почему же они всё-таки случаются? Да потому, что во все времена находились люди, которые нарушали эти Заповеди, и, считая себя умнее Бога, придумывали себе каких-то своих богов и кумиров, чтобы разрешить себе то, что запретил Господь. Гордыня – мать всех зол на земле!

После обеда все ребята собрались в домовом храме по благословию батюшки. Все расселись по лавкам. Наступило тягостное молчание, которое прервал батюшка:

– Ну, что ж, ребятки? Все вы хорошо знаете, что в монастыре нет лентяев и лежебок. Знаете? – улыбаясь, переспросил он.

– Да, батюшка! Знаем! – ответил за всех всё так же взволнованный Василий.

– Время сейчас в лесу наступило страдное. Пospели и грибы, и ягоды, поэтому следующим послушанием у вас будет сбор лесных даров. Отправитесь в поход на два дня. С вами вместе пойдёт отец Пётр. Всем понятно? – обратился он к детям.

– Понятно! Понятно! – хором отозвались ребята.

– Может кто-нибудь из вас болен, и не в силах идти в лес? – спросил на всякий случай отец Николай.

– Нет! Нет! Все здоровы! – перебивая друг друга закричали дети.

– Вот и славно! Отец Пётр! – обратился он к дьякону. – Подготовь всё для похода. Ребята помогут.

Отец Пётр молча поклонился в знак послушания и батюшка покинул храм.

Сборы продолжались до самого ужина. Ребята засыпали отца Петра вопросами и очень отвлекали, но он, несмотря на это терпеливо отвечал на все вопросы, не забывая при этом о деле. Выезд назначили на семь утра, поэтому после ужина и вечернего богослужения все отправились спать.

Глава 6

Утренние молитвы прочитали в домовом храме, позавтракали, загрузили в микроавтобус съестные припасы, палатки, ёмкости для сбора грибов и ягод, уселись в машину и, благословясь у батюшки, тронулись в путь.

В дороге мама Юля наставляла детей, как себя нужно вести в лесу, чтобы не потеряться, и не заблудиться, но не все слушали внимательно. Мама Юля тоже не очень беспокоилась по поводу того, что кто-то может заблудиться. Двое взрослых уж как-нибудь уследят за пятерыми ребятами. В этом она не сомневалась. Тем более в том лесу, куда они направлялись, мама Юля была неоднократно и довольно хорошо его изучила.

До места назначения добрались за полчаса, не более. Каких-то тридцать километров для микроавтобуса – не расстояние. Свернули на лесную дорогу, и ещё километра два углублялись в лес. Наконец, выехав на большую поляну, остановились, и начали выгружаться. Детям не терпелось как можно скорее отправиться на ягодную и грибную охоту, но прежде надо было поставить палатки, подготовить место для будущего костра и натаскать сухих сучьев для костра, поэтому пришлось нашим торопыгам немного потерпеть. Отец Пётр объяснил им, что после сбора ягод и грибов, все устанут, и делать то, что они делают сейчас будет значительно труднее. Чрез час все намеченные дела были сделаны. Решение о том, кто и чем будет заниматься решили на общем собрании. Ребята с отцом Петром и Маша отправятся за грибами, а мама Юля с Лизой и Катей будут собирать ягоды. На том и порешили. Разобрали приготовленные пластиковые вёдра и плетённые корзины, и отправились на поиски даров леса. Группы разошлись в разные стороны, так как грибные и ягодные уголья располагались довольно далеко друг от друга. Не забыли захватить бутерброды и термосы с чаем, чтобы не возвращаться на обед, и не тратить зря время. Вернуться в лагерь условились к шести часам вечера. Так и начался этот удивительный день.

Ребята и девочки трудились без усталости. Лентяев, слава Богу, среди них не было. Часам к пяти вёдра и корзины наполнились доверху грибами и ягодами. Пора было возвращаться. К шести часам, уставшие, но довольные, собрались в лагере. На ужин решили запечь картошку прямо в углях, да попить чай, а уж потом заняться чисткой и сушкой грибов. Отец Пётр приватил с собой специальную печь, для сушки грибов, и взял этот труд на себя.

Ночь в Карелии мало чем отличается от сумерек, разве что только тем, что с приближением сумерек начинают просыпаться комары, а ночью уже лютуют всюю, и негде от них спрятаться, но для ребят это не новость. С раннего детства к этому привыкли, и не очень обращали внимание на кровососов. Расселись вокруг костра, стали печь картошку, под весёлые рассказы отца Петра, и не заметили, как время приблизилось к полуночи. Первой опомнилась мама Юля, настоятельно потребовавшая прекратить веселье и отправляться спать. День завтра предстоял такой же тяжёлый, и надо было набраться сил. Отец Пётр полностью поддержал требование мамы Юли, прочитал вечерние молитвы, и только тут, отправляясь спать, Лиза обнаружила, что с ними нет Кати. Когда она ушла от костра и куда направилась, никто не знал. Её исчезновения просто не заметили. Все принялись кричать имя Кати, надеясь, что она где-то рядом, и ориентируясь на крики, сможет вернуться в лагерь, но всё было напрасно. Катя не откликнулась. Всех охватила нешуточная тревога. Потеряться ночью в лесу было проще простого, поэтому, недолго посоветовавшись, решили разделить на две группы и отправиться на поиски. Перед тем как разойтись, отец Пётр предложил всем помолиться Николаю-угоднику, чтобы он помог найти девочку. Не успели закончить молитву, как ветви ближайшего кустарника раздвинулись, и появилась улыбающаяся Катя в сопровождении какого-то седовласого старца. Все замерли, с удивлением глядя на приближающуюся пару. Глуповато-блаженная улыбка Кати никого не

удивила, поскольку ожидать от неё можно было, что угодно, и все к этому привыкли, а вот какое-то свечение, исходившее из старца, поразило всех, включая и отца Петра.

– Давайте погреемся у костерка, – с улыбкой предложил старец, когда они подошли, – продрог я что-то.

– Может чайку горяченького, на брусничных листьях настоящего, Отец Николай? – спросила Маша.

– С удовольствием Машенька! Знаешь, чем порадовать старика, Господи помилуй! – отозвался старец.

Никому почему-то и в голову не приходил вопрос, откуда Маша и отец Николай знают друг друга. Это восприняли как само собой разумеющийся факт.

Старец первым присел на брёвнышко у костра. Его примеру последовали и остальные.

– Знаю! – с улыбкой произнёс он после недолгого молчания. – Знаю о ваших проблемах, Господи помилуй. Многие сталкиваются с ними, и всегда поначалу хочется оправдать себя. Не вы первые, не вы последние, но того, кто не научится сам определять свои грехи, ждёт немало бед и горестей в жизни, а уж про Суд Божий и поминать-то страшно. Там-то как оправдаешься?

– Помогите нам, отец Николай, Христа ради! – попросила за всех Лиза.

– Помочь? – переспросил старец. – А чего же не помочь? Конечно, помогу! – с улыбкой произнёс отец Николай.

Не успел он произнести последние слова, как клубы густого тумана стали наполнять лесную поляну. Туман был настолько густым, что все перестали не только видеть, но и слышать друг друга. Сколько времени собравшиеся вокруг костра находились в таком состоянии, никто сказать не мог, потому что исчезло само ощущение времени, и когда туман также неожиданно

рассеялся, как и появился, всем показалось, что прошло всего несколько секунд. Никто даже испугаться не успел.

– Ну, как? – всё также загадочно улыбаясь спросил старец. – Что видели? Что слышали? Кто первым решится рассказать?

– Можно я буду первым? – решил Вася.

Волнение Васи было так очевидно, что бросалось в глаза. Мальчик никак не мог успокоиться, то поднимал взгляд, то опускал, не зная, видимо, с чего начать, но всё-таки решился:

Видение Василия

Первая жизнь Васи – бесстрашного воина. Моё видение начался с того места, когда я, как обычно, играл в свои любимые «стрелялки», – начал свой рассказ парнишка. – Но играл я почему-то в школе на уроке математики, чего в жизни никогда не случалось. Одноклассники решали какие-то задачи, а я, не обращая никакого внимания ни на них, ни на учителя, ни на сам урок, продолжал биться с противником. Удивительно было то, что и на меня никто не обращал внимания. Как будто меня и вовсе не было на свете. Я так увлёкся игрой, что не заметил, как прозвенел звонок и все ребята вышли из класса. Я остался один и продолжал играть, не замечая этого. Потом всё-таки увидел, что уроки закончились, и вышел из класса. Игра была в самом разгаре, я наступал на противника и, если бы остановился, то обязательно бы проиграл. Я не мог этого сделать, так как по условиям игры у меня были истрачены уже все жизни и осталась только одна, поэтому, выходя из класса, я не прекращал игры и продолжал сражение. Я не прекратил игру даже тогда, когда вышел из школы и пошёл по улице. Мне казалось, что иду домой, но напряжение в игре достигло такой степени, что я перестал замечать всё вокруг. Я шёл туда, куда меня вели ноги. Постепенно сгущались сумерки, но я продолжал играть и идти неведомо куда. Не остановился даже тогда, когда закончился асфальт, и я пошёл по грунтовой дороге. Иногда нога попадала в какую-нибудь выбоину, и я спотыкался, но мне удавалось удержаться на ногах и продолжать путь, не прерывая игры. Игра закончилась только тогда, когда из укрытия, похожего на пень, в меня из гранатомёта выстрелил замаскированный противник, которого я не заметил. Это был конец! Я потерпел поражение, хотя уничтожил столько противников и был уже очень близок к победе. Я очень расстроился и продолжал переживать все перипетии боя, не обращая внимания на то, где нахожусь. Я всматривался в светящийся экран, воскрешая в памяти все события боя, пытался понять, что в моей тактике было не так, и очень переживал. От этих мыслей меня оторвал ветер. Порыв холодного воздуха вернул меня к действительности. Одевался я довольно легко, так как жил рядом со школой, и по дороге туда и обратно просто не успевал замёрзнуть. Подул холодный ветер, и с моих глаз будто спала пелена. Только что вокруг меня был день, и вдруг наступила полнейшая темнота. Было ясно, что я нахожусь где-то в лесу, потому что я отчётливо слышал шум деревьев. Посмотрел на светящийся экран планшетника, где всё ещё были видны мой танк, разбитый снарядами, уничтоженные противники и всё поле боя, покрытое воронками от разорвавшихся снарядов. Я никак не мог оторвать взгляда от экрана и понять, где я нахожусь на самом деле, там, на поле боя, или в этом холодном мраке. Новый порыв ветра и холодные капли дождя окончательно вернули меня в этот мир. Я оторвался от экрана и попытался осмотреться. Вокруг была кромешная тьма, и не было видно ни зги. Я поднял голову и увидел узкую полоску неба, более светлую, чем окружающий меня лес. Опустил взгляд вниз и посветил себе планшетником. Я стоял на узкой, не более полуметра, лесной тропинке. Страх я не испытывал, так как ещё до конца не осознал серьёзность своего положения, да и мой верный друг «Гугл», который всё знает, и всегда приходит на помощь, так же был со мной. Планшетник работал, и я не сомневался, что Гугл поможет мне найти дорогу, и без труда выбраться из этого тёмного леса. Холод мало – помалу охватывал тело, и меня начинала сотрясать мелкая дрожь. Крупные капли дождя, от которого негде было укрыться, падали на одежду, которая постепенно мокла, и в каких-то местах стала прилипать к телу. Ко всем моим неприятностям прибавилось и ощущение голода. Я вспомнил, что последний раз принимал пищу только во время завтрака, и очень пожалел, что отказался от бутербродов, которые мне предлагала мама. На обед во время большой перемены я так же не пошёл, так как был всецело увлечён игрой, поэтому чувство голода сейчас всё больше и больше давало о себе знать. В голове начали возникать не очень приятные мысли. Я почувствовал, как страх и отчаяние охватывают меня. Я вспомнил о своём помощнике и,

вернув планшетник в систему поиска, обратился к своему другу: «Гугл! Где я нахожусь?» – спросил я, но мне никто не ответил. Я подождал некоторое время и спросил ещё раз, но ответа вновь не последовало. Я проверил компьютер, но он работал исправно и соединение с интернетом никуда не делось. Не зная, что предпринять, я от отчаяния стал трясти планшетник и звать Гугла, но он не отзывался. Холод стал проникать во все части моего тела, и от бессилия и отчаяния из моих глаз полились слёзы. Я был один в крошечной темноте в неизвестном мне месте, окружённый страшным лесом и не знал, что мне делать. Я совершенно забыл о своих родителях и товарищах, и, полный отчаяния и страха, закричал, что есть силы:

– Гугл! Гугл! Где ты?

– Чего орёшь? – раздался знакомый голос Гугла.

– Почему ты не отвечал? – с упрёком и облегчением спросил я.

– Не хотел и не отвечал! – сварливо ответил он.

– Но я же звал тебя столько раз! Почему ты молчал?

– У тебя закончились деньги.

– Какие деньги?

– Ты, что же, не знаешь, что за пользование компьютером надо платить?

– Нет, – откровенно признался я, – всё делала мама.

– Ну, в таком случае обращайся к своей маме, а меня оставь в покое.

– Но, как же я к ней обращусь, если не знаю, где нахожусь? Что это за место? Помоги мне выбраться отсюда, и тогда мама обязательно заплатит.

– Ты не знаешь, где находишься? Интересненькое дело! Ты находишься в том прекрасном мире, который ты сам выбрал, но здесь нет ни твоих родителей, ни твоих друзей. Ты сам, по своей воле, отказался от них ради этого мира. Ты сам выбрал этот волшебный мир, в котором по твоему желанию ты можешь стать самым сильным и ловким человеком в мире, самым умным и образованным, лучшим футболистом, лучшим артистом, лучшим во всём, что только не пожелаешь. Ты даже можешь стать властелином мира. Хочешь?

– Конечно, хочу, – обрадованно согласился я.

– Прекрасно! Заплати, и все твои желания будут исполнены.

– Но у меня нет денег.

– Иначе здесь нельзя. Тот мир, в котором живут твои родители и друзья, совсем скоро станет таким же, как и этот, но пока этого до конца не случилось, я ничем не могу тебе помочь.

– Как же так, Гугл? Неужели ты не помнишь, сколько раз ты подсказывал мне на уроках, когда я не готовил домашнее задание? Ты даже таблицу умножения за меня выучил. Я перестал общаться с родителями и друзьями, потому что думал, что у меня есть ты, мой единственный помощник и друг. Ты никогда не приставал ко мне со всеми этими нравоучениями, домашним заданием, подметанием полов и мытьём посуды. Ты делал всё, что я хотел, и я думал, что так будет всегда. Неужели я ошибся в тебе?

– Ну, почему же ошибся? Ничего ты не ошибся! Ничего не изменилось! Абсолютно! И дальше всё будет по-прежнему, но только тогда, когда ты за это заплатишь. Ты меня понимаешь? Только тогда, когда заплатишь! Иначе в этом мире невозможно!

– Но, у меня же нет денег! Где я сейчас смогу их взять? Если бы рядом была моя мама, она обязательно заплатила бы.

– Мне нет дела ни до твоей мамы, ни до кого-либо другого вообще, потому что я имею дело только с тобой. Ты уже достаточно взрослый человек и должен сам отвечать за свои поступки, поэтому думай сам, что тебе делать и как тебе поступать. Сколько на маму не кивай, денег от этого больше не будет.

– Так что же мне делать? Неужели нет никакого выхода?

– Почему же нет? Есть!

– Какой, Гугл? Подскажи и я сделаю всё, как ты скажешь!

- Подсказать? – с ноткой сомнения спросил Гугл.
- Подскажи! Конечно, подскажи! – взмолился я.
- Ну, что ж! Так и быть, подскажу! – милостиво согласился Гугл. – Тебе придётся оставить что-нибудь в залог, и тогда всё будет, как прежде.
- В залог? А что я могу оставить в залог, если у меня ничего, кроме планшетника нет?
- Планшетник оставь в покое. Его у тебя никто никогда не заберёт. У тебя есть нечто совершенно бесполезное, чем ты можешь пожертвовать без какого-либо ущерба для себя.
- Что, Гугл?
- Душа!
- Душа? А что это такое?
- Не знаешь?
- Нет!
- Ну и хорошо, что не знаешь. Да и ни к чему тебе об этом что-то знать. Если уж твои родители ничего не рассказывали тебе о душе, то мне и подавно незачем это делать. Или рассказывали?
- Может и рассказывали, но я не помню. Ты же знаешь, что я, как только встретился с тобой, перестал обращать внимание на то, что мне говорят родители.
- Конечно знаю, и хвалю тебя за это. Что они знают, твои родители? Что они умеют? Только морали читать, да нравоучения, и больше ничего! Я правильно говорю?
- Конечно, правильно! Даже планшетник хотели у меня отобрать! – пожаловался я.
- Ну, это уж совершенный беспредел. Отобрать планшетник. Да, как только такое в голову могло прийти? А ещё, наверно, твердили, что любят тебя и делают это для твоей пользы? Так?
- Да, – согласился я.
- Вот и верь им после этого, – возмущённо произнёс Гугл. – Ну, да ладно. Чего тебе горевать, если у тебя есть такой друг, как я? Правильно я говорю?
- Я и не горюю, Гугл. Ты только помоги мне, а я сделаю всё, что ты скажешь. Договорились?
- Так уж и быть! Я помогу тебе, но только с тем условием, что ты от своего обещания уже не сможешь отказаться, даже если захочешь?
- Какого обещания?
- Я же тебе говорил, что смогу тебе помочь только в том случае, если ты согласишься вместо денег оставить в залог свою душу. Согласен?
- А можно мне немножко подумать? Я ведь не знаю, что такое душа.
- А зачем тебе что-то знать? Ты вот ответь мне на простой вопрос: ты хотя бы раз до этого задумывался о душе?
- Нет.
- Вот тебе и ответ. Если ты никогда не задумывался о ней, значит она тебе и не была нужна. А если она не была тебе нужна до сих пор, значит она не будет тебе нужна и дальше. Правильно? – настойчиво спросил Гугл.
- Не знаю, – неуверенно сказал я. Я не очень понимал, почему не соглашался на предложение Гугла, но что-то внутри меня не давало дать на это согласие.
- Хорошо, – согласился Гугл. – Сейчас я покажу тебе, что мы уберём из твоей души, чтобы это не мешало тебе жить. Согласен?
- Да, – согласился я, не зная, на что дал согласие.
- Вот и прекрасно! – с радостью произнёс Гугл. – Устраивайся поудобнее и смотри, – сказал он, и вдруг рядом со мной появилось большое мягкое кресло. Как только я сел в кресло, прекратился дождь и ветер, тьма расступилась и образовался полный света тоннель, прорезающий тёмный лес. В конце тоннеля я увидел что-то мерцающее светлыми и тёмными пятнами.

– Что это? – спросил я у Гугла.

– Это – твоя душа, – ответил он.

Не успел он ответить, как из этого мерцания вышли страшные демоны, ведущие закован-ного в цепи смиренного прекрасного юношу. Демоны избивали юношу плетьюми, издевались и насмехались над ним, но юноша словно не замечал ни побоев, ни издевательств, не жалуясь и не издавая ни одного стога.

– Кто это? – испуганно спросил я.

– Это твоё терпение, – ухмыляясь, произнёс Гугл.

– А как же я обойдусь без терпения?

– А зачем тебе терпение, если все твои желания будут исполняться? Мешать только будет. Согласен?

– Наверное, да, – неуверенно согласился я.

– Смотри дальше, – не давая подумать, продолжил Гугл.

Вслед за юношей, которого мне было очень жаль, появилась маленькая девочка, которую вели такие же чёрные демоны ужасного вида, избивая и толкая её вперёд. Было видно, что девочка не хочет идти с ними, но сил сопротивляться у неё почти не было. По дороге один из демонов споткнулся обо что-то и упал, разразившись страшными ругательствами. Когда он поднялся на свои кривые ноги, я увидел, что он поранил свою чёрную волосатую ногу, и из раны потекла густая и почему-то чёрная кровь. Девочка тоже увидела это и бросилась на помощь. Она оторвала от подола своего платья полоску материи и перевязала рану, но вместо благодарности получила удар плетью.

– Кто это? – возмущённо спросил я.

– Это – твоё милосердие.

– А почему этот ужасный демон так отблагодарил её за помощь?

– А что здесь удивительного? В этом мире милосердие – огромный недостаток. Сам подумай! Что сделает с тобой противник, с которым встретишься в бою, если ты вдруг начнёшь жалеть его, перевязывать его раны, или благодарить за то, что он не отрубил тебе голову, или неудачно выстрелил? Да ты даже подумать об этом не успеешь, как он исправит свой промах, и тогда уж тебе точно будет несдобровать. А количество жизней здесь не бесконечно. Ты и сам об этом хорошо знаешь. Согласен с этим?

– Да, – с неохотой согласился я. Гугл был прав, и мне нечего было ему возразить, так как в мире, пусть и придуманном кем-то, существовали свои законы, главный из которых гласил: «Убей врага первым, или он убьёт тебя!» А, поскольку врагами были все встречные, с милосердием и благодарностью в таком мире прожить было невозможно.

– Значит, убираем и чувство благодарности! Только мешать будет. Договорились? – спросил Гугл.

Я подтвердил своё согласие, и тут же небольшая светлая часть моей души погасла и как бы растворилась. Я обратил внимание на то, что по мере того, как из моей души уходили ненужные, по мнению Гугла, её части, она становилась всё меньше и меньше в размере, и всё больше темнела.

– А теперь мы уберём самую ненужную и заразную часть твоей души, – с каким-то ожесточением в голосе произнёс Гугл.

– Какую?

– Любовь.

– Зачем? – испуганно спросил я.

– Если не убрать любовь, то ты не выживешь здесь и секунды, потому что тот, у кого осталась хоть капелька любви, обречён на погибель.

– Почему? – уже с ужасом спросил я.

– Потому, что тот, у кого сохранилась любовь не может быть свободным.

– Не понимаю. Объясни!

– Свободным может быть только тот, кому никто не нужен. Ты меня понимаешь?

– Не очень, – признался я.

– Проще говоря, свободным может быть только тот, кому на всех наплевать. В этом суть свободы! Но и это не всё! Если ты избавишься от любви, то ты избавишься и от страданий! Ты, наверное, знаешь, как страдают люди от потери близких и от любых неприятностей.

– Конечно.

– Но страдают-то они именно из-за любви, поэтому, если ты хочешь страдать так же, как и они, мы можем оставить тебе любовь. Страдай себе на здоровье! Хочешь страдать, или лучше обойдёмся без этого?

– Давай обойдёмся без этого, – согласился я. Перспектива страдать из-за чего бы то ни было меня никак не устраивала. Как только я дал согласие, моя душа как-то очень пронзительно и жалобно застонала и из неё начали вылетать, одна за другой, какие-то светлые существа, похожие на белый туман. Описать, как они выглядели, я не могу, так как они с быстротой молнии мелькали передо мной и исчезали, но я каким-то непонятным мне образом понимал, что представляют из себя эти мелькавшие и тут же исчезающие белые существа. Не могу описать их внешность, но я каким-то образом понимал, что, вот, передо мной мелькнула доброта, а вслед за ней пролетела справедливость, а за ней – честность, мужество, чувство долга, трудолюбие, кротость и так далее. И всякий раз, когда очередная светлая часть мелькала мимо меня, душа издавала всё более и более жалобные стоны. Я чувствовал, что из меня безжалостно выдирают что-то очень близкое и родное, присущее только мне одному. Мой ужас от происходящего был настолько велик, что я, кажется, потерял сознание, и будто бы наблюдал за всем происходящим со стороны. Очнулся только тогда, когда стоны прекратились. Посмотрел на душу и поразился её виду. Теперь она представляла из себя какой-то чёрный бесформенный сгусток, издававший омерзительное зловонье. Но, к моему удивлению, и её вид, и даже это зловонье, мне нравились. Хотел обратиться к Гуглу и по привычке поблагодарить его, но понял вдруг, что мне совершенно необязательно это делать, потому что не чувствовал к нему никакой благодарности. Это обрадовало меня, и я злорадно засмеялся. Мне казалось, что я нахожусь на вершине счастья! Наконец-то я избавился от всего, что мешало моим желаниям! Наконец-то я действительно свободен, и мне абсолютно безразлично, что будет не только с моими родителями и знакомыми, но и что будет со всем этим так ненавистным мне миром вообще! О друзьях даже не задумывался, так как потерял их сразу же, как только попал в зависимость к компьютеру. Единственными моими собеседниками были те, которые, как и я, были в плену у компьютерных игр, но дружбы между нами никакой не было. Наше общение ограничивалось хвастовством о действительных или выдуманных победах, вызывавших зависть или насмешку своих собеседников. О поражениях, как правило, никто не рассказывал. При этом никто из нас не делился секретом побед. Чувство зависти к победам других было у всех моих знакомых, и я не был исключением. Оно вынуждало сутками сидеть за компьютером и безостановочно играть, пытаясь достигнуть того уровня, которого не достигли ещё твои знакомые.

Итак, я был, наконец-то, свободен! Ещё раз с восхищением посмотрел на свою чёрную зловонную душу, и она показалась мне прекрасной. Я продолжал наслаждаться её восхитительным зловонием, когда до моего слуха донеслось еле слышное рыдание. Я стал внимательно оглядываться вокруг, пытаясь найти того, кто так горько плачет, но никого не обнаружил. Хотел отмахнуться от этого назойливого плача, но не смог. Злость поднималась во мне и желание найти и наказать того, кто мешает мне наслаждаться моей новой душой, перерастала в ярость. Я поднялся с кресла и только тут обнаружил далеко за моей душой двух маленьких сверкающих белизной крылатых человечков, которые громко и безутешно рыдали и мешали моему наслаждению.

– Замолчите! – что есть силы заорал я, и они на время прекратили плакать. – Кто вы такие, и по какой причине вы рыдаете и нарушаете мой покой? – спросил я у них так, как будто уже на самом деле стал властелином вселенной.

– Мы твои ангелы-хранители, – ответил один из них, и, указывая на своего товарища, продолжил:

– Этот ангел был дан тебе Господом Богом при рождении. В миру его называют совестью. Он предостерегал тебя с момента рождения от дурных поступков, а я – твой ангел-хранитель, данный тебе после святого крещения. Мы оба должны были уберечь тебя от бесов, но не смогли этого сделать.

– Почему? – удивился я.

– Потому что Господь дал человеку право выбора, и только сам человек может выбирать, что и как ему делать. Мы можем только подсказывать и предупреждать, или по просьбе человека прогонять бесов, склоняющих его к совершению зла и ведущих к гибели.

– Как я мог услышать вас, если вы такие маленькие? Я и сейчас ваши голоса еле слышу.

– Мы вовсе не маленькие. Мы больше и сильнее любого из твоих теперешних друзей-демонов, но сейчас мы очень далеко от тебя. Мы так далеко от тебя, потому что ты отогнал нас, принимая их советы и не прислушиваясь к тому, что говорили тебе мы. Да что мы? Что говорить о нас, если ты отмахивался от всего, что советовали тебе твои родители, и считал геройством всё делать вопреки всему, что говорили тебе они. Но ты должен знать, что мы всегда готовы вернуться и прийти тебе на помощь. Даже в самой безнадежной ситуации, когда будет казаться, что ничего нельзя уже исправить, тебе стоит только позвать нас, и мы придём на помощь. Но твой призыв должен исходить из самых глубин твоего сердца, потому что, в противном случае, мы можем не услышать тебя. Запомни! Для того, чтобы мы пришли к тебе на помощь, твоё желание должно быть совершенно искренним, и в нём не должно быть ни капли сомнения в том, что мы можем не откликнуться на твой призыв! Ты до самого последнего мгновения можешь всё изменить и избежать гибели. Запомни это!

– Ладно, – милостиво согласился я, – запомню. А теперь проваливайтесь! Не до вас мне! – сказал я им, и они тут же исчезли.

Едва я успел произнести эти слова, как свет в образовавшемся тоннеле померк и установились сумерки, в которых моя чёрная душа показалась мне ещё прекрасней.

Насладившись этим зрелищем, я обратился к Гуглу, которого почему-то стал считать своим слугой:

– Ты где пропал, компьютерная твоя душа? – с упреком спросил я.

– Слушаюсь и повинуюсь! – услышал я тут же насмешливый голос Гугла.

– Почему стало так темно? – спросил я у него.

– Сей момент исправим, – сказал Гугл, и тут же всё озарилось дневным светом. Моя чёрная душа и кресло исчезли, и я увидел, что нахожусь посреди густых джунглей. В тот же миг на меня обрушились пронзительные крики птиц, шипение змей, и рыки злобных хищников. Поняв, что, имея в своих руках один планшетник долго в этом враждебном мире не прожить, я приказал Гуглу вооружить меня и одеть в бронезащиту. Тут же моё желание было исполнено. Я получил в своё распоряжение лазерный пистолет, тяжёлый пулемёт, десяток гранат, прибор ночного видения с тепловизором, датчиком опасности и полную бронезащиту. Я стал похож на живую крепость и очень гордился этим. Уж теперь-то моим противникам несдобровать! Осмотрелся и, не заметив рядом никакой опасности, двинулся навстречу неизвестности. Я хорошо знал, что в том положении, в котором находился сейчас, надо быть предельно осторожным и внимательным, так как опасность могла подстеречь меня на каждом шагу: и сверху, и снизу, и справа, и слева, и сзади, и спереди. Проще говоря, весь мир вокруг меня был одной сплошной угрозой. Любое насекомое, любая птица, любое животное и даже растение, несмотря на свой, казалось бы, невинный вид, представляли для меня смертельную опас-

ность. Всех достоинств своего боевого снаряжения я не знал, но то, что он был герметичен и никакая мелкая тварь, даже, если бы и очень захотела, не смогла бы нанести мне вреда, знал абсолютно точно. Моё снаряжение представляло собой жаростойкий скафандр, плотно облегающий моё тело, с климат контролем, так что мне не страшно было бы попасть и в эпицентр любого пожара, которые зачастую случались в этих джунглях. Эта особенность моей защиты была совершенно не лишней так же и потому, что в этих джунглях водились такие смертельно опасные твари, которые обладали не только острейшими клыками и когтями, но и могли извергать огонь. Ко всему прочему, у меня исчезло чувство голода и жажды, и единственное, в чём я нуждался, так это в небольшом отдыхе и сне. Именно это и было моим единственным слабым местом. Если во время сна или отдыха на меня нападёт враг, то участь моя будет решена в одно мгновение, и я погибну. И хотя этот мир вроде бы и не был настоящим, но чувства при этом испытывались такие же, как и в реальном мире. Я имею в виду не только страх, ненависть, ярость и жажду уничтожить противника, но и боль, которую противник может причинить тебе. Никто в этом мире не испытывал жалости друг к другу, поэтому ждать пощады от кого бы то ни было, являлось чистым безумием.

Итак, проверив исправность своего вооружения, я двинулся в чащу, прорубая себе путь сквозь густые заросли длинным и острейшим ножом-мачете, встроенном в правую руку моего костюма. Усталости не чувствовал, так как все усилия, которые я прилагал для продвижения вперёд, брал на себя экзоскелет, встроенный в костюм. Его сила была такова, что я мог спокойно выдернуть с корнями дерево средней величины, и сломать его, как спичку. Временами я останавливался и чутко прислушивался, стараясь уловить присутствие возможных противников. Какое-то время всё было спокойно, и я с короткими перерывами продолжал прорубать себе дорогу, углубляясь в джунгли. Я не знал, куда иду, так вся цель моего присутствия здесь заключалась в том, чтобы отыскать противника и уничтожить его. И чем больше я уничтожу врагов, тем больше будет мой успех и чувства удовлетворения и гордости. Сладость этого чувства была настолько велика, что ради него я отказался не только от родителей, но и от жизни вообще, и ничуть не жалел об этом.

Я уже больше часа прорубался сквозь заросли, когда во время одной из коротких остановок детектор опасности издал сигнал тревоги. Я усилил звук и отчётливо услышал треск ломающихся деревьев, злобный звериный рык и звуки отчаянной борьбы. Я понял, что где-то недалеко ведут борьбу не на жизнь, а на смерть, два каких-то гиганта, так как их голоса скорее походили на раскаты грома. По сравнению с ними, рычание льва, которое я слышал по телевизору, можно было сравнить с комариным писком. Я удвоил свои усилия, так как именно этой встречи и искал. Я надеялся, что чудовища, увлечённые схваткой, не заметят меня, и можно будет убить их обоих, если они оба останутся живы к моему появлению. Через каких-нибудь четверть часа заросли стали редеть, и скорость моего продвижения увеличилась. Звуки борьбы были теперь слышны совершенно отчётливо. Мои чувства от приближения опасности обострились до предела, когда я неожиданно вышел на большое открытое пространство. Огромная поляна, которая внезапно открылась передо мной, была завалена поваленными деревьями, над которыми возвышались два чудовища, схватившиеся в смертельной схватке. В этом мире никто и никогда не уступал, поэтому все схватки кончались только тогда, когда один из противников погибал. Здесь нельзя было сдать на милость победителя, по той простой причине, что чувства милосердия здесь не существовало. Вот и эти два чудовища, размером не менее пятиэтажного дома яростно боролись, пуская в ход и свои острейшие зубы, и длиннющие, как сабли, когти, разрывая плоть друг друга, и пытаясь добраться до горла противника. Они катались по земле, яростно рыча, вскакивали, недолго отдыхали, и вновь бросались друг на друга. Я посчитал, что в пылу схватки они не обратят на меня никакого внимания, поэтому не стал прятаться, а молча и с восхищением наблюдал за этой завораживающей картиной, не вмешиваясь в происходящее. Я ждал, когда кто-нибудь победит. Справиться с одним таким гигантом было

бы куда легче и безопасней, чем противостоять двум сразу, потому что и одно такое чудовище могло разорвать меня на куски, и мне не помог бы никакой бронекостюм. Но, к моему удивлению и ужасу, во время очередной передышки чудовище, находившееся как раз напротив меня, вдруг издало рык, совершенно непохожий на те, что они издавали до сих пор. Услышав это, остановилась и вторая громадина, и повернула голову в мою сторону. Всё вокруг замерло. И я, и чудовища молча и настороженно наблюдали друг за другом. От ближайшего зверя меня отделяло не более тридцати метров. Преодолеть это расстояние монстр мог за несколько секунд. Ждать, когда он на меня кинется, было бы безумием, так как тогда у меня не останется времени для того, чтобы отразить нападение второго чудовища. А, если позволить им напасть на меня вместе, то моя гибель, вероятнее всего, будет неизбежна. И, хотя у меня в этом мире была не одна, а три жизни, умирать мне вовсе не хотелось, так как, во-первых, как я уже говорил, чувство боли здесь никто не отменял, а, во-вторых, очень жаль было тратить жизнь, потому что я не представлял себе, что будет со мной, когда закончится моя третья жизнь, а Гугл ничего мне об этом не говорил. Не дожидаясь нападения чудовищ, я вскинул пулемёт и начал стрелять в ближайшего ко мне монстра. Я не отпускал курок до тех пор, пока не закончились патроны. Пулемёт был заряжен разрывными пулями, которые вонзаясь в тело животного, взрывались, как маленькие гранаты. Я видел, что все они, попадая в цель, оставляют за собой полосу развороченной плоти, из которой, после короткой заминки, начинает хлестать кровь. После того, как стрельба закончилась, все мы, я и оба чудовища, находились несколько секунд в оцепенении. Затем я увидел, что тело того монстра, по которому я стрелял, начало разваливаться на две части, но досмотреть до конца этот процесс у меня уже не было времени, так как второе чудовище с яростным рёвом бросилось в мою сторону. Времени на раздумья не было, и я, отбросив в сторону бесполезный пулемёт, хотел отскочить в сторону, чтобы не попасть в лапы монстра, который уже летел в прыжке, намереваясь схватить меня своими страшными когтями, но споткнулся. Споткнулся и, упав, покатился совсем не в ту сторону, в которую предполагал отпрыгнуть. Именно это и спасло меня от неминуемой гибели. Чудовище предугадало мои планы, и прыгнуло как раз туда, куда намеревался приземлиться и я, но падение помогло мне избежать когтей. Я оказался придавлен его мягким животом, выбраться из-под которого у меня не было никакой возможности, так как мой экзоскелет не был рассчитан на такой огромный вес. Раздумывать в такой ситуации не было времени, поэтому я нажал на гашетку своего лазерного пистолета, направленного прямо вверх. Луч лазера стал мгновенно прожигать шкуру монстра, и на меня повалились, перерезанные тем же лучом лазера его внутренности. Почувствовав эту мгновенную и непонятно откуда взявшуюся боль, чудовище высоко подпрыгнуло и ринулось в сторону. Этот прыжок был последним движением в его жизни. Оно упало рядом с ранее убитым мной монстром, так и не поняв причину своей гибели, и сразу же затихло. Я выбрался из навалившихся на меня внутренностей, и бросился в джунгли. Вокруг стояла тишина. Все джунгли замерли, вслушиваясь в звуки этой схватки и ожидая её окончания. Я прекрасно понимал, что как только обитатели джунглей поймут, что схватка закончилась, они тут же начнут собираться, чтобы поживиться плотью побеждённого, а, если повезёт, то и самим победителем, если тот окажется достаточно изранен и обессилен, поэтому моей первой задачей было надёжно укрыться, что я и сделал, прихватив с собой разряженный пулемёт. Я залез на большое ветвистое дерево, росшее на краю поляны, и укрылся в его густой листве. Усевшись в развилке ветвей, перезарядил пулемет и лазерный пистолет. Неопытный игрок обязательно решил бы, что схватка уже закончена, но я-то знал, что это не так. Я истратил много сил и боеприпасов, поэтому мне просто необходим был продолжительный отдых, чтобы не только восстановить свои силы, но также и для того, чтобы пополнить боезапас, который восстанавливался по истечению определённого промежутка времени. Первые падальщики, и большие, и средние, и маленькие, появились уже через несколько минут. В любой другой ситуации они непременно напали бы друг на друга, но сейчас, привлечённые запахом свежей крови, когда

горы обильной пищи были перед ними, не было никакой необходимости враждовать и рисковать своей жизнью, поэтому, на время бесплатного обеда, между ними воцарилось временное перемирие, и из врагов они превратились в сообщников. Естественный страх перед этими чудовищами сдерживал их до тех пор, пока один из наиболее смелых из падальщиков не вонзил свои зубы в ещё тёплую плоть поверженных гигантов. Как только это случилось, тут же со всех сторон, толкаясь и отпихивая друг друга, множество хищников бросилось пожирать трупы. Воцарился полный хаос. Животные визжали, урчали, рычали и даже мяукали, вонзая свои зубы не только в тела чудовищ, но и кусая и отгоняя тех, кто мешал им насыщаться. Страх покинул животных, и на его место пришла неутолимая жадность и обжорство. Я сидел, притаившись на дереве, и наблюдал за происходящим без всякого смущения или раздражения. Мой план был предельно прост, но от этого не менее эффективен. Всё, что мне было нужно, так это дождаться, когда соберётся как можно больше хищников. Только тогда я и начну действовать. Я понимал, что мне не нужно будет долго ждать, так твари всё прибывали и прибывали, возникая как из-под земли, и заполняя собой всю поляну. Когда их собралось столько, что они покрыли собой не только тела поверженных чудовищ, но всю поляну вокруг них, я начал действовать. Мой пулемёт, установленный в расселину дерева, дал свою первую очередь. Я начал стрелять, начиная с животных, которые находились ближе к концу поляны, чтобы остальные не смогли разбежаться сразу. Не зная, откуда исходит угроза, они стали метаться, давя друг друга. Паника охватила всех собравшихся тварей. Они металась в разные стороны, но, по причине того, что дорогу в джунгли преграждал мой грозный пулемёт, им некуда было бежать, и они погибали десятками. Остановился я только тогда, когда вся поляна была устлана трупами падальщиков. Несмотря на то, что я расстался с любовью, я не стал кровожадным. Эту расправу я устроил, исходя только из практической необходимости. Меня волновало одно – сохранение моей собственной жизни, и мне было совершенно безразлично, сколько живых существ я должен уничтожить, чтобы добиться этой цели, ни одного, или тысячи. Я жил по правилам этого мира, и они меня устраивали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.